

18+

Чернов Дмитрий Дуло

<https://litres.ru/74100103>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иван Иванов — инженер Уралвагонзавода, Нижний Тагил. Шестнадцать лет в цехе, трое детей, трещина у карниза, которую всё не доходят руки зашпаклевать. Однажды он едет в Москву на конкурс «Инженер года» — и выигрывает. А потом, той же ночью, на парковке у отеля его ставят на колени.

Домой он возвращается с медалью и с чем-то, чему нет названия. Семья видит: он другой. Завод видит: он не здесь. Только он сам не может сказать — где именно что-то сломалось.

Роман о человеке, который сделал всё правильно. И о том, что с ним сделали за это.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Чернов Дмитрий

Дуло

Глава

ДУЛО

Роман

Дмитрий Чернов

2026

ЧАСТЬ I

ТАГИЛ

Здесь всё своё.

Здесь всё настоящее.

1. Шесть утра

Пять пятьдесят девять.

Иван не спал. Лежал на спине, смотрел в потолок, и тело уже знало — за минуту до будильника, за две, оно всегда знало. Не тревога, не нетерпение — просто тихая готовность, которая приходит сама, как приходит рассвет: не спрашивая. Он лежал в этом промежутке между сном и днём и не торопился. Смотрел.

Трещина у правого карниза.

Сантиметров пятнадцать, наискосок, тонкая — в сумерках почти не видно, но он знал, где смотреть, и поэтому видел. Она появилась в первый год в этой квартире, когда Нине было три месяца. Тогда Иван ночами ходил с ней по комнате — от окна к двери, от двери к окну, — и смотрел в потолок, потому что смотреть в лицо Насте было тяжело: они оба не спали, оба держались, и встречаться взглядами в три ночи означало видеть в другом то, что не хотелось видеть в себе. Легче было в потолок. В трещину. Он её считал — одно прохождение, трещина есть; обратно, трещина есть. Она не двигалась. Это было хорошо.

С тех пор — ни на миллиметр. Иван проверял несколько раз: просто останавливался под ней и проводил пальцем вдоль. Одна и та же. Та же ширина — волосяная, заметная только потому что знаешь, куда смотреть. Он думал: надо бы зашпаклевать. Купить шпаклёвку, прогрунтовать, двадцать минут работы. Потом забывал. Потом снова думал.

Трещина оставалась.

Может, это и правильно.

За стеной справа — Нина. Он слышал её дыхание даже сквозь панельную стену: ровное, глубокое, без пауз. Нина спала как камень — уходила в сон без переходов и выходила из него с тем же сопротивлением, которое было у неё с рождения, как будто сон и явь для неё разделены стеной, которую нельзя пересечь на полускорости. Либо одно, либо другое. Иван это уважал. Никогда не будил раньше времени —

давал ей самой.

За другой стеной — Макар. Причмокивал во сне, ритмично, без пауз, с той надёжностью маленьких механизмов, которые работают, пока им не мешают. Два года и три месяца, и этот звук не менялся с первой ночи в роддоме, когда Настя спала после родов, а Иван сидел в кресле у кровати и слушал — просто слушал, не двигаясь, час или больше. Сейчас он слышал этот звук сквозь стену, и каждый раз он означал одно: все здесь, всё в порядке.

На кухне капал кран.

Третью неделю. Резиновая прокладка — рубль в хозяйственном, двадцать минут работы, разводной ключ лежит под раковиной. Иван каждый день думал: сегодня. Каждый день откладывал. Кап. Кап. Кап. Мерное, терпеливое — как будто кран ждал своей очереди и не торопился.

Под всем этим — гул.

Не шум и не грохот. Гул — ровный, низкий, как давление атмосферы: не чувствуешь, пока есть, начинаешь чувствовать только когда пропадает. Уралвагонзавод работал в три смены, без перерывов, без выходных, и его голос стоял над Вагонкой постоянно — как стоит запах хлеба у пекарни, как стоит запах реки у реки. Иван слышал этот гул с первого дня жизни. Батя говорил: пока гудит — работает; пока работает — живём. Не метафора — буквальный факт про этот город, про эту семью, про то, как здесь устроено. Завод гудит — значит, есть смысл вставать в шесть утра.

Цифры переключились: 6:00.

Будильник тронулся — Иван выключил его до первого гудка. Кончиками пальцев, не поворачивая головы, за годы выработанный рефлекс. Настя не любила резких звуков с утра. Иван давно знал этот маршрут: рука сама.

Лежал ещё секунду. Смотрел на Настю.

Она спала свернувшись, лицом к стене, на своей — левой — стороне постели. С первой же ночи после свадьбы, без договорённости, просто так легло, и с тех пор ни разу иначе. Двадцать два года: она слева, он справа. Бельё с розовыми лепестками — выцветшими до почти белого, еле заметными, только если знаешь. Он помнил, как Настя выбирала его в промтоварном на Вагоностроителей — девяносто девятый год, деньги впритык. Долго стояла с двумя рулонами в руках: этот и с синими полосами. Иван тогда думал: синие практичнее, грязь меньше видно. Не сказал. Она выбрала лепестки.

Иван наклонился. Поцеловал её в висок — в то место над ухом, куда целовал каждое утро. Она чуть наморщила нос, не проснулась.

Встал.

Натянул робу — штаны, куртка, пуговицы — привычными движениями, не думая. В прихожей взял каску с крючка, поставил портфель у двери. Портфель был собран с вечера: чертежи уложены, папка с документацией, образец в отдельном боксе. Завтра Москва. Сегодня ещё — завод, смена, обычный день.

Прошёл на кухню.

Насыпал перловку в кастрюлю — на глаз, рука знала количество без мерки. Яблоко нарезал четвертинками, добавил. Поставил на малый огонь. Взял кружку чая, встал у окна.

Двор в шесть утра был синеватым. Фонарь у третьего подъезда ещё горел — жёлтый одинокий огонь в сереющем воздухе. Снег нетронутый, плотный, только у подъездов затоптанный. Чужая «Нива» стояла у бордюра уже неделю — хозяин бросил как попало когда не нашёл места, так и стоит. Трубы завода за крышами выдыхали пар прямо вверх, вертикально. Безветрие. Значит, будет холодно.

Иван держал кружку двумя руками и думал об арктическом коэффициенте.

847 мегапаскалей при минус сорок. Цикл десять в шестой. Сходилось — он проверял три раза, в разные дни, потому что знал: голова по-разному работает утром и вечером, после смены и до, и если в трёх состояниях одно и то же — значит, не ошибка. Сходилось.

Но умножить на 1,2 — и запас по прочности падает с пятнадцати до шести процентов. Не ошибка расчёта, осознанный выбор: Арктика не рабочий диапазон для Т-90М, крайний случай за пределами задания, и шесть процентов при крайнем случае — это инженерная норма, честная цифра. Но кто-то из жюри откроет таблицу, найдёт эту строчку — и спросит как обвинение. Любое объяснение под вопросом звучит как оправдание. Разница между «я это вижу и вот по-

чему это допустимо» и «да, но это же...» — это разница между тем, кто говорит первым, и тем, кто отвечает.

Надо сказать самому. До того как найдут.

Он думал об этом каждое утро уже две недели. Каждый раз приходил к одному и тому же. Это не тревога — это подготовка. Он так всегда готовился: не заучивал слова, а думал одно и то же много раз, пока оно не становилось частью того, что просто знаешь, — как знаешь расположение болтов на кожухе пресса, не считая.

— Последний день сегодня.

Настя вышла из спальни — в халате, с тем прищуренным видом, с которым выходила, когда не выспалась, но вставала всё равно. Подошла к плите, заглянула в кастрюлю.

— Что последний день?

— Платёжка за свет.

— Давай лучше соберись и заплати уже. Третий раз говорю.

Иван обернулся к ней с наигранно суровым лицом — тем, которое она знала наизусть, которое означало: сейчас будет дурачество.

— Чё ты щас сказала? Ничего не попутала? Это вас так в кулинарке своей учили с мужиками разговаривать?

Он поставил кружку, подошёл, обхватил её за талию и поднял. Она засмеялась — как всегда, неожиданно для себя, потому что он умел делать это именно тогда, когда она уже думала: не сделает. Поцеловал. Опустил.

— Дурак, — сказала она. Но улыбалась.

— После смены заеду и заплачу. Обещаю.

— Угу. — Повернулась к плите. — Хлеб нарежь. Нина любит с маслом.

Иван взял нож со стойки. Батин нож — тяжёлый, деревянная ручка, подарок бригаде на сорокалетие батиного стажа, батя отдал его Ивану, когда уходил на пенсию. Сказал только: пусть в деле будет. Иван нарезал им хлеб каждое утро шестнадцать лет.

— Ты не волнуйся, — сказал он. Не о платёжке.

— Немного волнуюсь. Это нормально.

— Нормально.

— Просто позвони, как долетишь.

— Позвоню.

Ели вместе — редко так выходило по утрам. Каша, хлеб с маслом, тишина с кружкой чая. Клеёнка в синюю клетку — пора менять, края потрескались. Иван думал: после Москвы куплю. Или пусть Настя выберет — она умеет выбирать такое.

— Завтра в Москву, — сказал он.

— Завтра, — сказала она.

Помолчали.

— Ты в меня веришь? — спросил он.

Настя подняла голову.

— Верю.

— Почему?

— Потому что ты три года это делал. — Взяла кружку. —

И ты не умеешь делать что-то плохо.

— Бывает.

— Когда?

— Первый сварной шов. Двадцать два года. Ровный снаружи — внутри пустоты. Браковали.

— И что?

— Переделал. Шестнадцать раз.

— Вот именно, — сказала Настя. Без торжества. Просто — вот именно.

Это было сказано как говорят факты. Иван смотрел на неё через стол — на её лицо в утреннем свете, знакомое до последней морщины — и думал о том, что есть люди, рядом с которыми не нужно ничего объяснять. Не потому что они понимают сами, а потому что знают тебя достаточно долго, чтобы объяснения стали лишними.

Пришли дети.

Нина в пижаме, с книжкой под мышкой — тащила её как всегда, как будто могла успеть прочитать страницу между спальней и кухней. Макар на руках у Ивана: он зашёл за ним первым, поднял из кровати — тот сцепился за куртку с видом человека, у которого всё хорошо и которому незачем торопиться.

— Каша с яблоком! — объявил Иван.

— Яблоко! — подтвердил Макар.

— Опять перловка, — сказала Нина. Без жалобы — про-

сто констатировала, как констатируют погоду.

— Перловка полезная.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это правда.

Нина поставила книжку корешком вверх на сиденье стула — так, чтобы не потерять страницу. Взяла ложку. Потом подняла голову на мать.

— Мам, пап завтра уезжает?

— Завтра ночью.

— На сколько?

— На три дня.

Нина кивнула. Ела молча. Потом, не поднимая головы:

— Пап. Ты позвонишь?

— Каждый день. Обещаю.

— Ладно.

Одно слово — но с той интонацией, которая означала: принято, занесено. Не тревога — договор. Иван знал эту интонацию: она была его. Настя замечала это и думала о том, что Нина взяла у него именно это — привычку превращать простые вещи в точные договорённости, потому что слова, сказанные вслух, имеют другой вес, чем подуманные.

— Пап, — снова сказала Нина.

— Что.

— А там академики будут? Настоящие?

— Настоящие.

— И они посмотрят на твой металл?

— Потрогают руками, если дам.

Нина обдумала это — ложка повисла в воздухе.

— А зачем трогать, если есть цифры?

Иван поставил кружку.

— Цифрам верят. Но металл в руках — это другое. Ты можешь посмотреть, что нож острый. А можешь провести пальцем и почувствовать. Разница есть?

— Есть, — сказала Нина немедленно.

— Вот именно.

Она обдумывала это — с тем видом, когда понял и тебе это понравилось, и хочется подумать ещё немного. Настя наблюдала за ними двоими — Иван объясняет, Нина слушает — и думала: вот этот разговор про нож и про металл, эта манера говорить про сложное через простое, без сюсюканья и без упрощения, — это тоже его. Нина его слышала и брала, даже не зная что берёт.

Макар ел кашу обеими руками — ложка в правой, левая придерживает тарелку, как будто та могла убежать. Изредка поднимал голову, оглядывался — на отца, на мать, на сестру, — с тем довольным видом, с которым маленькие дети убеждаются, что все на месте.

После завтрака Настя убирала со стола, Иван мыл тарелки. Они двигались в маленькой кухне без слов, привычно расходясь и уступая друг другу место — двадцать два года в одной квартире вырабатывают этот язык тела, точный и без слов. Настя взяла из шкафчика пластиковый бокс, открыла,

проверила: пирожки лежали ровно, в бумажных квадратах, четыре штуки. Два с капустой, два с картошкой. Закрыла крышку.

Нинин почерк маркером: «Любимому папочке».

Нина написала это вчера вечером. Пришла на кухню, взяла маркер со стола, написала — и ушла, ничего не сказав. Настя нашла бокс потом. Буква «п» чуть съезжала вправо — всегда так, Нинин почерк. Учительница говорила: пройдёт с возрастом. Не проходило. Настя давно перестала ждать: это была теперь просто Нинина «п», своя, узнаваемая.

Иван вышел из спальни с сумкой на плече. Взял в прихожей портфель.

— Подожди. — Настя протянула ему бокс. — На работу собрала.

Иван взял. Держал в руке. Смотрел на крышку молча — дольше, чем нужно для трёх слов. Что-то изменилось в его лице — совсем немного, только она заметила. Потом поднял взгляд.

— Спасибо.

Одно слово. Но Настя слышала в нём больше одного слова — она умела это, слышать то, что не говорилось вслух.

— Выполняй план, — сказала она. Улыбнулась.

— Выполню.

Он обнял её — по-настоящему, крепко, не на секунду. Поцеловал в висок. Она прижалась щекой к его плечу — секунду, две. Потом отпустила.

Нина уже стояла в дверях детской — в пижаме, с книжкой в руке.

— Командир. Держи оборону.

Она серьёзно кивнула. Потом сделала шаг, обняла его — быстро, крепко, сразу отступила.

— Возвращайся с медалью.

— Постараюсь.

— Не «постараюсь», пап. Привези.

Иван смотрел на неё. Десять лет. Иногда казалось — она знает что-то, до чего он доходил годами.

— Привезу.

Пожал Макару ладошку — маленькую, серьёзную. Макар засмеялся. Открыл дверь, взял сумку и портфель.

— Иван.

Обернулся.

Настя стояла в прихожей — в халате, босая, с Макаром на руке. Смотрела на него тем взглядом, в котором было что-то от волнения, что-то от уверенности, что-то от всех двадцати двух лет сразу.

— Позвони как будешь в самолёте.

— Позвоню.

— И как прилетишь.

— И как прилечу.

— Иди, — сказала она. — Опоздаешь.

Он вышел. Замок щёлкнул.

Настя стояла в прихожей и слышала его шаги — по лест-

нице вниз, первый пролёт, второй, потом дверь подъезда — глухой удар, знакомый, двадцать два года один и тот же удар. Потом тишина.

Макар помахал рукой — запоздало, уже закрытой двери.

— Пошли завтракать, — сказала Настя.

— Пап уже ушёл? — спросил Макар.

— На работу. Вечером вернётся.

— А-а.

Нина стояла в кухонных дверях — с тем видом, с которым смотрят когда думают о своём.

— Мам.

— Что.

— Москва — она какая?

Настя поставила Макара на стул. Подумала.

— Большая. Много людей. Шумно.

— Пап там потеряется?

— Нет. — Налила кашу. — Папа нигде не теряется.

Нина обдумала. Кивнула. Взяла ложку.

— Хорошо.

Настя убирала посуду и думала о том, что Нина не спросила «а вернётся ли» — спросила «не потеряется ли». Это была разница. Нина верила, что вернётся. Просто хотела убедиться, что он там не один и не беспомощен.

Она и сама так думала.

Выключила воду. Кран капал.

Она посмотрела на него секунду. Потом открыла шкаф

под раковиной. Достала разводной ключ. Открутила хомут. Вынула прокладку — резиновая, потрескавшаяся насквозь. В жестяной коробке, где Иван держал мелкий крепёж, нашла новую — М15, он покупал запас. Вставила. Закрутила хомут. Открыла кран.

Тишина.

Не капало.

Настя закрыла шкаф, убрала ключ. Подумала: надо сказать ему, когда вернётся. Потом подумала: пусть сам увидит.

Гул завода за окном — ровный, низкий, привычный, как дыхание.

2. Тагил едет

Двор в шесть двадцать утра занимал промежуток между двумя светами.

Фонари ещё горели — жёлтые, вполсилы, — но рассвет уже обозначился с восточной стороны: серая полоса над крышами, несмелая, как будто и сам рассвет не был уверен, что сейчас его время. Снег в этом промежуточном свете был синеватым у теней и почти белым посередине двора, куда с ночи никто не ходил. У бордюров — серым, утоптаным, с прожилками песка и соли. Дворник Степаныч скрёб лопатой асфальт у четвёртого подъезда — маленький, квадратный, в двух телогрейках одна поверх другой, скрёб не торопясь, с той равномерностью, которая бывает у работы, которую делали вчера и будут делать завтра. Скрежет уходил в утреннюю тишину и растворялся в ней без эха.

Иван шёл к машине.

В голове — арктический коэффициент. 847 умножить на 1,2. Сходилось. Три раза в разные дни проверял — сходилось. Сказать самому, до того как найдут. Это он прокручивал каждое утро, и каждое утро оно становилось более своим, более лежащим внутри, а не снаружи.

— Ванька! Выручай! Опять не льётся!

Дядя Коля стоял у своей «Волги» с канистрой у ног и шлангом в руке. Та же поза, что была в прошлый раз — и в позапрошлый, и два года назад. «Волга» семьдесят восьмого года ломалась каждый сезон, каждый раз в новом месте, и дядя Коля каждый раз был этим искренне обескуражен — не потому что не ждал поломки, ждал, — но каждый раз это было что-то новое, непредвиденное, и это не переставало его расстраивать. Он принимал «Волгу» честно, как принимают трудный характер близкого человека: ругаешься, а не бросаешь.

— Давай помогу, дядь Коль.

Иван поставил портфель на снег у колеса. Взял шланг. Дядя Коля протянул молча — они делали это не первый раз, ритуал был отработан, слова лишние.

Батя показал этот способ, когда Ивану было двенадцать лет. Лето, трасса на Екатеринбург, батина копейка заглохла у обочины — кончился бензин, хотя стрелка ещё показывала четверть. Батя достал из багажника канистру и шланг. Сказал: смотри. Просто это слово — смотри. Иван смотрел. Ба-

тя сделал быстро, без объяснений, с тем точным жестом, которому нельзя научить словами, можно только выработать руками. Потом дал шланг Ивану: теперь ты. Иван протянул лишние полсекунды — горькое холодное ударило в зубы, закашлялся, отстранился. Батя сказал спокойно: резче убирай, когда пошло. Не повторял. Не переспрашивал. Одно слово — и ты знаешь.

Один конец шланга в канистру. Второй к губам. Тянуть резко, коротко. Бензин пошёл — Иван убрал шланг, сплюнул, вытер рукавом. Металлическое послевкусие, горьковатое. Каждый раз одинаковое. Каждый раз — та обочина, то лето, батины руки.

— Как батя говорил, — сказал Иван, — не подсосёшь — не поедешь.

Дядя Коля снял шапку. Обеими руками, медленно — тот жест, который у старых тагильцев означал одно конкретное: говорят о человеке, которого нет. Не потому что так принято, просто само так получалось.

— Великий был человек. Пусть земля ему пухом будет.

Батя умер восемь лет назад. Второй пресс, вторая смена, цех номер четыре. Сменщик нашёл его в начале девятого — сидел у стены, привалившись плечом, с закрытыми глазами, как будто присел отдохнуть. Инфаркт. Быстро, врачи сказали — почти мгновенно, скорее всего ничего не почувствовал. Иван ехал на похороны один, Настя с маленькой Ниной осталась дома, и всю дорогу в поезде думал: хорошо умер.

В работе. В своём месте. Среди станков, которые знал наизусть. Батя бы именно так и хотел — хотя никогда этого не говорил. Некоторые вещи не говорят. Просто живут в соответствии с ними, и другие это видят.

— Антифриз проверь, дядь Коля. При минус одиннадцати без антифриза — это не случайность, это подготовка.

Дядя Коля кивал с виноватым видом.

Иван убрал шланг. Взял портфель. Пошёл к машине.

Сел. Завёл. «Нива» рыкнула, потом пошла ровно. Выехал со двора.

Проспект Вагоностроителей в половине седьмого утра.

Впереди мигнули красные огни — поток встал. «Газель» поперёк правой полосы, встала наискосок. Водитель в оранжевой жилетке стоял рядом и махал руками в пространство — не конкретно кому-то, просто в воздух, выражая этим что-то между растерянностью и претензией к собственному транспорту. Машины сигналили. Кто-то высунулся из окна.

Иван включил аварийку. Вышел.

— Давай в сторону уберём. Весь проспект перекрыли.

Водитель посмотрел на него — с тем смешанным выражением, в котором стыд и благодарность ещё не решили, кто из них главнее. Встал рядом у борта. Упёрлись.

«Газель» шла неохотно — тяжёлая, гружёная чем-то под тентом, и лёд под колёсами не помогал. Иван упирался ногами, чувствовал, как подошвы ищут зацеп, переносил вес ниже и шире — как на заводе, когда толкают прессовые тележ-

ки: не в плечи, а в ноги, в землю. Водитель кряхтел рядом. Ещё рывок — колёса нашли асфальт под снегом. Докатили до бордюра.

— Больше моргай заранее, — сказал Иван. — И антифриз проверяй при таком морозе.

Водитель кивал — виновато, как кивают когда правы, но виновато.

Иван сел. Поехал.

Он не думал о том, что помог. Просто сделал — и поехал. Это была часть его устройства, та часть, которая не требовала решений: если рядом человек и можно помочь, помогаешь. Не из принципа, не из благородства — из того же инстинкта, из которого подтягиваешь болт, который чуть люфтит, хотя никто не просил и никто не видит. Батя так делал. Бригада так делала. В Тагиле — по крайней мере в том Тагиле, который он знал, — это было не выбором и не добродетелью. Просто так бывает, иначе как.

Трубы Уралвагонзавода показались над крышами — сначала одна, самая высокая, потом все четыре разом, как только проспект повернул и открылся горизонт. Высокие, бетонные, с красно-белыми полосами для авиации. Из них шёл пар — вертикально, прямо вверх. Безветрие. Будет холоднее к обеду.

Иван приоткрыл окно. Холодный воздух ударил сразу — и с ним запах: металл, горячий камень, что-то химическое, едва уловимое. Запах завода. Он знал его с детства, с той

первой поездки, когда батя взял его сюда лет в пять — просто посмотреть. Иван тогда стоял у проходной и смотрел на трубы снизу вверх и думал, что они упрутся в небо. Потом привык. Потом перестал смотреть вверх. Потом начал смотреть внутрь — на прессы, на металл, на шов, на нагрузку.

Завод уже работал. Ночная смена ещё не кончилась, утренняя заступала. Где-то там — Сергей, или уходит, или уже ушёл, зависит от смены. Пётр — точно утро, он всегда брал утро, потому что жена ночью работает и кто-то должен с детьми. Молодой Дима — второй год, ещё не привык к запаху металла, но привыкнет. Все привыкают.

Они стоят у своих станков и делают то, что делали вчера, что будут делать завтра. Завод не останавливается. В этом было что-то успокоительное — не потому что это красиво, а потому что это правда: одна из немногих вещей, которые не меняются.

Иван сунул руку в карман куртки. Нашёл болт на ощупь — сразу, он всегда лежал там один, больше в этом кармане ничего. Стальной, тяжёлый, тёплый от тела. Провёл большим пальцем по торцу — гравировка чуть выступала, можно прочитать пальцем: «УВЗ — Москва 2026».

Сергей дал вчера вечером в гараже. Просто достал из нагрудного кармана, протянул — без слов, без объяснений. Держал его там несколько дней, пока не нашёл момент. М24, стандартный крепёж, такой же, как тысячи болтов в этом цехе — которые Иван вкручивал, откручивал, проверял, заме-

нял шестнадцать лет. Но этот — отдельный. Этот — с собой.

Сжал в кулаке. Отпустил.

Здесь он знал каждый болт. Знал, откуда берутся, кто точит, какой металл, какой допуск, где стоят и почему именно там. Знал, что бывает когда перетягивают — пол-оборота лишних, и прокладка трескается. Знал всё это руками, телом, шестнадцатью годами ежедневной работы. Это знание не думается — оно просто есть, как есть ориентация в темноте в собственной квартире.

Там этого не будет. Чужой зал, чужие люди, другой язык — тот, где «металл» это слово в презентации, а не вещь, которую можно взять в руки и почувствовать под пальцем шов.

Это нормально. Он возьмёт с собой то, что знает. Восемьсот километров не делают металл другим металлом.

«Нива» въехала на заводскую парковку. Иван заглушил двигатель. Сидел секунду — просто сидел, слушал, как остывает мотор, тикает, постепенно затихает. Потом взял портфель. Вышел.

Проходная. Охранник Витя за кроссвордом — поднял голову.

— Иваныч. Слышал, в Москву едешь?

— Слышал правильно.

— Не забудь про нас там.

— Некого там забывать. — Иван приложил пропуск. —

Все свои здесь.

Витя хмыкнул. Поставил букву в кроссворд.

Турникет щёлкнул. Прошёл.

Гул цеха обхватил его со всех сторон — привычный, плотный, свой.

3. Цех

Цех встречал звуком — всегда раньше, чем светом.

Ещё в коридоре между раздевалкой и цехом, когда дверь закрыта и за ней ничего не видно, уже слышался он: не шум, не грохот — гул. Ровный, низкий, как будто сам воздух здесь был другой плотности, как будто его было чуть больше, чем снаружи. Потом — лязг поперх гула, металлический, прерывистый. Потом что-то ритмичное в самом основании всего — тяжёлое, методичное, как удар большого сердца, которое не останавливается.

Иван взялся за ручку. Потянул.

Запах ударил сразу — горячее масло, окалина, тот особый запах раскалённого металла, который не описать точно, можно только знать. Жёлтый свет с потолка — лампы в металлических кожухах, некоторые мигали, давно мигали, никто не менял. Пар где-то в глубине, белый, густой. Иван вдохнул. Выдохнул медленно.

Шестнадцать лет — и каждый раз этот запах говорил одно: ты здесь.

Цех номер четыре. Сто двадцать метров в длину, двадцать в ширину, потолки в два пролёта — так что кран-балка наверху терялась в желтоватом полусумраке. Батя отработал здесь двадцать три года. Иван знал этот цех так, как знают

собственное тело — не думая, просто зная.

Знал, где в межсезонье дует: третий пролёт, левая стена, трещина появилась в девяносто восьмом, залатали неправильно, она ушла вглубь и вернулась через год. Знал звук пятого пресса при изношенном подшипнике — за неделю до отказа стук становится чуть выше и чуть медленнее, почти неслышимо, но слышно, если слушаешь. Знал, где пол просел на два сантиметра между третьим и четвёртым пролётом — там надо вести тележку иначе, чуть придерживать. Знал запах каждого участка: масло у прессов, кислота у травильной ванны, горелое у сварочников, и под всем этим — влага из стен, холодная, постоянная.

Он знал этот цех лучше, чем кто-либо живой.

Некоторые мёртвые знали не хуже.

Вошёл — и сразу услышал: что-то не так.

Пятый пресс. Иван шёл своим маршрутом — от двери вдоль стены, привычный путь, каждое утро шестнадцать лет, — и на уровне четвёртого пролёта звук изменился. Пятый пресс работал неправильно: стук стал глухим и неравномерным, с сипением между ударами, как будто что-то давилось и не могло выйти. Потом Иван увидел красную лампу над щитком — горела. Потом пар: густой, белый, толчками из-под кожуха, в такт ударам.

Сергей стоял у щитка. Смотрел на манометр — не двигаясь, пристально, так смотрят, когда видят что-то плохое и ещё не придумали что с этим делать. Бригада — четыре че-

ловека — стояла в четырёх метрах от пресса. Не по приказу: тело само выбирает дистанцию, когда что-то рядом под давлением.

— Что?

— С утра сипит. — Сергей не обернулся. — Нарастает. Механик в больнице — аппендицит, взяли прямо со смены.

Иван подошёл к щитку. Посмотрел на манометр поверх Сергеева плеча.

Семь восемь. Норма — шесть. Пар из-под кожуха — не из магистрали, именно из-под кожуха, значит деформация прокладки или микротрещина на самом кожухе. Нарастающее давление при нарастающем паре — это не долго. Иван это знал, потому что однажды видел, что бывает дальше.

Двухтысячный год, третий цех. Прокладку разорвало за секунду — пар под восемью атмосферами ударил токаря в лицо на полуметре. Юра Тихонов, сорок два года тогда. Выжил. Лечился долго. Работал потом — но лицо осталось другим, и голос стал другим, и он перестал первым начинать разговор. Просто перестал. Иван видел его иногда в столовой. Они кивали.

Снял куртку. Перекинул на поручень. Взял разводной ключ со стойки — свой, с треснутой рукоятью, которую обмотал изолентой три года назад и не заменил, потому что он удобный именно такой, с этим весом и этим хватом. Натянул рукавицы — кожаные, старые, с прожжённым мизинцем на левой.

— Осторожно, Вань, — сказал Коля от стены. Не как предупреждение — как просьба.

— Щас посмотрим.

Пошёл к прессу.

Пар ударил сразу — горячий, плотный, видимость упала до полуметра.

Иван шёл на ощупь, левой рукой вперёд. Нашёл кожух — горячий даже через рукавицы, жжёт через кожу. Провёл рукой по болтам по часовой стрелке, считая: один, два, три, четвёртый от края.

Приложил ключ. Потянул.

Болт поддался легче, чем должен.

Вот оно.

Перетянули при последнем обслуживании — пол-оборота лишних, не больше. Мелочь, которую глазами не увидишь, динамометрическим ключом, может, и не поймаешь — зависит от того, насколько прогрет был металл при затяжке. При нагреве металл расширился, болт затянулся ещё сильнее, кожух начал давить на прокладку изнутри. Микротрещина. Пар. Нарастает с утра. Ещё час — и прокладку разорвёт.

Иван отпустил болт ровно на четверть оборота.

Это невозможно объяснить словами — как именно. Не угол, не миллиметры. Просто кончики пальцев сквозь кожу рукавиц чувствовали ту точку, где натяг переходит из правильного в лишний. Шестнадцать лет. Каждый день. Это уже

не знание — это тело.

Стоял в облаке пара и ждал.

Пар начал спадать — не сразу: десять секунд, пятнадцать. Стук пресса выровнялся — глухой, неравномерный ушёл, вернулся рабочий ритм, ровный, методичный. Красная лампа погасла. Зелёная.

Иван вышел из облака.

Дышал тяжело — горячий воздух в лёгких, щёки горели. Снял рукавицы. Посмотрел на руки: нормально, только красные от жара.

Бригада выдохнула — разом, тем общим выдохом, который бывает после страха, когда страх уже прошёл и можно. Коля хлопнул в ладоши. Молодой Дима сказал что-то — Иван не расслышал за гулом пресса, не важно.

Сергей смотрел на него. Не с благодарностью — с чем-то другим. С тем выражением, которое бывает у людей, когда видят, что кто-то делает что-то правильно и делает это именно так, как надо — не красиво, не показательно, а точно. Это выражение Иван видел у него и раньше. Оно было дороже благодарности.

— Перетянули болт на последнем ТО. На четверть оборота.

— Четверть оборота, — повторил Сергей — медленно, взвешивая. — А мы уже наряд на капремонт написали. С остановкой линии на трое суток.

— Запишите: плановая регулировка уплотнения кожуха.

— Иван вернул ключ на стойку. — И подшипник на четвёртом гляньте на этой неделе. Мне не нравится звук.

— Какой звук?

— Чуть выше нормы. Еле слышно. Слушайте в конце смены, когда шуму меньше.

Засмеялись — тем смехом, который бывает после страха, когда всё обошлось. Коля открыл было фляжку — Иван покачал головой: рабочий день.

Вернул куртку. Оделся.

Пошёл в свой кабинет — маленький закуток за фанерной перегородкой в конце цеха. Кабинет — громко сказано: верстак вместо стола, два стула, чертежи на всех стенах от пола до потолка, шкаф с папками. Этот шкаф стоял здесь с ба-тиных времён — разохшаяся нижняя полка подпёрта куском доски уже лет пятнадцать. Батя работал в этом закутке двадцать три года. Иван — шестнадцать. Вместе — тридцать девять лет, один и тот же верстак, одни и те же стены.

Снял очки с крючка — читальные, простые, из аптеки. Достал главный чертёж.

Восемь листов А3, склеенных скотчем. Схемы слева, расчёты справа. На полях его рукой — пометки, стрелки, вопросы к себе. В правом верхнем углу первого листа карандашом: «Москва-2026». Написал три недели назад, когда директор только намекнул. Рука написала раньше, чем он сам принял решение.

Нашёл цифру 847. Провёл пальцем по столбцу. Сходи-

лось.

Взял карандаш. Написал на полях крупно, с нажимом: «!!! арктика — сказать самому». Обвёл кружком. Подчеркнул дважды.

Уже написал это две недели назад — на другом экземпляре. Написал снова, потому что писать — это другое, чем думать. Написанное стоит иначе.

Положил карандаш. Скатал чертёж в тубус.

За фанерной перегородкой ночная смена заступала — голоса, шаги, второй пресс запустили, шёл ровно. Иван постоял секунду, слушал. Потом взял тубус, выключил лампу.

Пора домой.

4. Проводы

На заводе слухи ходят быстрее официальных приказов.

Это не потому что люди сплетничают — просто в цехе, где работают вместе по десять, пятнадцать, двадцать лет, информация движется как тепло по металлу: не нужен провод, достаточно быть рядом. Кто-то услышал краем разговора в курилке, кто-то прочитал на доске в коридоре, кто-то просто знал — потому что давно работает рядом с человеком и понимает его раньше слов.

К обеду следующего дня бригада знала.

Иван ещё только спускался по лестнице из кабинета директора — приказ о командировке подписан, лежит в кармане, ещё тёплый как будто от ручки, — а Сергей уже шёл навстречу по коридору. Иван увидел его издалека и по походке

понял: знает. Сергей шёл с той особой быстротой, которая бывает когда спешишь к человеку с хорошим — не потому что не можешь подождать, а потому что хочешь видеть лицо, когда подтвердится.

— Ну чё, Вань? Директор не сожрал?

— В Москву посылает. Проект защищать.

Сергей остановился посреди коридора. Улыбка стала шире — той особой шириной, которая означает не радость за себя, а за другого: чуть торжественная, чуть смущённая, как будто сам не ожидал, насколько рад.

— Я знал. Говорил же Кольке — наш поедет. Он не верил.

— Зря.

— Я ему скажу. — Сергей хлопнул Ивана по плечу. — Пойдём.

В цехе Коля уже стоял у второго участка с фляжкой в руке — протянул, не спрашивая. Иван глотнул: что-то тёплое, сладковатое, самодельное. Передал дальше. Сергей, Пётр, молодой Дима — взял с видом человека, который ещё не совсем привык к таким ритуалам, но старается.

— Ты нас там не опозорь, — сказал Коля. — Москва — она такая, там смотрят. Если приедешь в этих штанах — засмеют.

— Штаны нормальные.

— Штаны рабочие.

— На заводе рабочие. На конкурс — другие.

— А-а. — Коля удовлетворённо кивнул. — Ну тогда лад-

но. А то я уже хотел предложить свои, парадные.

— Зачем тебе парадные штаны, Коль?

— На праздники.

— На какие праздники?

Коля задумался.

— Ну... существуют же праздники.

Засмеялись.

Потом Сергей стал серьёзным. У него это происходило резко, без перехода — как переключают тумблер. Полез в нагрудный карман комбинезона. Достал болт.

Стальной. Отполированный — не заводским блеском полированный, а от рук: тот матовый блеск, который бывает у металла, который долго держали. М24, стандартный крепёж — такой же, как тысячи болтов в этом цехе, которые Иван знал все вместе и ни один по отдельности. На торце — лазерная гравировка, мелкая, чёткая: «УВЗ — Москва 2026».

Протянул. Молча.

Иван взял. Сжал в ладони — тяжёлый, тёплый, тот тепловатый металл, который бывает только от тела. Сергей носил его в нагрудном кармане несколько дней — Иван это видел по тому, как тот иногда в разговоре клал руку на грудь, проверяя. Ждал момента.

Иван держал болт и думал о том, сколько таких болтов прошло через его руки. Тысячи. Десятки тысяч. Все одинаковые снаружи и все разные — по состоянию металла, по тому, как ведут себя под нагрузкой, по тому, что с ними делали

до тебя. Этот болт никуда не шёл — он уже пришёл. Он был сделан для этого.

— Спасибо, — сказал Иван.

Одно слово. Они оба понимали, что оно означало больше одного слова.

Вечером — гараж Сергея на Красноармейской.

Иван пришёл без звонка — Сергей сказал «заходи вечером», и этого было достаточно. Ворота открыты. Внутри — мангал догорал, угли ещё светились оранжево. Водка, огурцы, хлеб на верстаке. Сергей сидел на деревянном ящике с баяном на коленях и играл — вполголоса, для себя, чуть опустив голову к инструменту. Рядом Коля подпевал хрипло, не попадая в ноты ни разу и, кажется, не замечая этого.

— Далеко от больших городов, там где нет дорогих бутиков, там другие люди живут...

Иван встал в воротах. Постоял. Слушал.

В этой песне была правда, которую он не формулировал словами — и не хотел, потому что слова делают вещи меньше, чем они есть. Правда про то, что здесь — в этом гараже, в этом городе, в этих людях — есть что-то, что не продаётся не потому что дорого, а потому что это просто другая категория вещей. Не рынок, не обмен. Просто — своё.

— Концерт для одного зрителя?

Сергей обернулся. Встал быстро, отставил баян к стене. Обнял Ивана — крепко, с хлопком по спине. Иван обнял в ответ.

— Садись! Всё, разговор! Ты едешь — мы гордимся. Коля, налей человеку.

— Уже, — сказал Коля, протягивая стакан.

Выпили за командировку, за завод. Ели — огурцы хрустели, хлеб с запахом угля. Коля рассказывал что-то про новый допуск на третьей линии, Сергей уточнял. Иван слушал — не вникая в детали, просто слушал голоса, интонации, этот привычный разговор ни о чём и обо всём. Это был тот разговор, который ведут не чтобы сообщить информацию, а чтобы быть рядом.

Потом Коля перешёл черту.

У него была эта особенность — предел, который он не умел чувствовать заранее. Переходил его и потом сам же страдал. Сказал что-то — про Москву, про то, что там, значит, женщины другие, и намекнул на Настю. Неловко, без злого умысла, просто — лишнее. Слово сказано — и уже не вернуть.

Иван поставил стакан на верстак. Встал — медленно, без резкости. Посмотрел на Колю.

— Моя жена — мой друг. Мой дом — не проходной двор.

Тишина. Сергей встал между ними — не потому что ждал драки, просто встал, как встают, когда хотят погасить.

— Ладно, ладно. Коля, ну чё ты.

Коля смотрел в пол. Потом в угол. Потом поднял голову — с тем виноватым видом, который у него был всегда искренним. Не разыгрывал — действительно страдал от соб-

ственного лишнего слова.

— Прости, Вань. Дурак я. Сам знаю.

Иван смотрел на него. Двадцать лет знал Колю — знал, что за этим нет злого умысла, никогда не было. Просто человек такой: слова выходят раньше, чем успеваешь подумать. Добрый, работающий, надёжный — и вот это. Одно с другим.

— Ладно. За семью.

Налили. Чокнулись. Коля выдохнул с облегчением — глубоким, искренним.

Потом сидели молча. Хорошим молчанием — тем, в котором не надо ничего говорить, потому что всё уже сказано и можно просто сидеть. Сергей держал баян на коленях, не играл. За воротами — ночь, февральская, тихая. Огни завода над крышей давали оранжевый отблеск в низких облаках. Гул — ровный, привычный, как дыхание.

Иван смотрел на эти огни и думал: завтра ночью уеду. Восемьсот километров — и этого гула не будет. Тишина там будет другая. Интересно, как это — засыпать без гула. Наверное, странно. Наверное, долго засыпать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.